

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.10>

UDC 902(652)
LBC 63.443-427.1

Submitted: 03.07.2017
Accepted: 10.04.2018

THE EARLY-SARMATIAN BURIAL IN THE EAST CRIMEA

Viktor V. Kropotov

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Science, Simferopol, Russian Federation

Abstract. The paper presents the materials of investigation of the burial that has been discovered in 2016 under a monumental stone construction / passway through a ditch in front of the Uzunlar bank, conditionally named 'Bosporus Gate'. The burial was made in a tomb of the rectangular form, which had been placed in a ditch slope even before erection of the gate. The dead's body had been North-West oriented. The grave goods included a jug and a bowl made of gray clay, a bronze mirror, earrings, an iron knife, jetty pendants and glass beads. These things allow dating the burial complex within the second half of the 1st century BC and, probably, the early 1st century AD. Such features of a funeral ceremony as the dead's body orientation in the northern sector, using an ordinary subrectangular tomb, using the burial place for only one body, the structure and placing of grave goods, etc., are typical for synchronous Early-Sarmatian burial complexes at the Northern Black Sea Region. The nearest of such complexes are located at 10 km to the West from the Uzunlar bank, in vicinities of the Astanino village. The only difference of the described complex consists in using the slope of earth mound / ditch, not a barrow, for burial. It is worth mentioning, that all of the known Early Sarmatian burial places of the Steppe Crimea are located in a chain order along northern border of the region, on the Black sea coast and Sivash – from the Perekop isthmus to the Tarhankut cape in the west and the Uzunlar bank in the east. The latter is considered now as the western border of the Bosporus kingdom. Such location, apparently, marks a way of nomads from the Dnieper region – one of the main areas of their settlement – to the city centers of the Northwest Crimea and Kerch peninsula. Because of the direct contacts to these centers, Sarmatians had got some items of antique manufacture: potter's ceramics, jewels, fibulae, beads, etc., discovered in their burials.

Key words: the East Crimea, Uzunlar bank, the Sarmatians, burial complexes, the Late Hellenism – Early Roman time.

Citation. Kropotov V.V. The Early-Sarmatian Burial in the East Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 3, pp. 114-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.10>

УДК 902(652)
ББК 63.443-427.1

Дата поступления статьи: 03.07.2017
Дата принятия статьи: 10.04.2018

РАНЕСАРМАТСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Виктор Валерьевич Кротов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуются материалы исследования погребения, открытого в 2016 г. под монументальным каменным сооружением/проездом через ров перед Узунларским валом, условно названным «Боспорскими воротами». Это захоронение было совершено в прямоугольной в плане могиле, впущенной в склон рва еще до возведения «ворот». Покойную, ориентированную головой на СЗ, сопровождали гончарные сероглиняные кувшин и миска, бронзовые зеркало и серьги, железный нож, гагатовые подвески и стеклянные бусы. Данные вещи позволяют датировать комплекс второй половиной I в. до н. э. и, возможно, началом I в. н. э. Такие черты погребального обряда, как ориентация покойного в северный сектор, использование для погребения подпрямоугольной в плане могилы, индивидуальность захоронения, состав и размещение погребального инвентаря и т. д., типичны для синхронных раннесарматских захоронений Северного Причерноморья, ближайшие из которых известны всего в 10 км к западу от Узунларского вала, в окрестностях с. Астанино. Единственное отличие описываемого комплекса заключается в использовании для погребения

ния не курганной насыпи, а склона земляного вала/рва. Интересен тот факт, что все известные на сегодняшний день раннесарматские захоронения Степного Крыма расположены цепочкой вдоль северной границы региона по побережью Черного моря и Сиваша – от Перекопского перешейка до мыса Тарханкут на западе и Узунларского вала на востоке. Такое размещение, по-видимому, маркирует путь кочевников из Поднепровья – одного из основных районов их расселения – к городским центрам Северо-Западного Крыма и Керченского полуострова, в результате прямых контактов с которыми к сарматам попадали предметы античного производства: гончарная керамика, ювелирные украшения, фибулы, бусы и проч., широко известные в их погребениях.

Ключевые слова: Восточный Крым, Узунларский вал, сарматы, погребальные памятники, поздний эллинизм – раннеримское время.

Цитирование. Кропотов В. В. Раннесарматское захоронение в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 3. – С. 114–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.10>

Погребальные памятники сарматского времени в степной части Крымского полуострова немногочисленны – ныне в научном обороте находится всего 19 комплексов этого времени [12, с. 22–39]. Столь незначительное количество материала не позволяет осуществлять полноценные исторические реконструкции. Именно поэтому публикация результатов исследования каждого нового захоронения вызывает определенный интерес в научном сообществе.

Данная статья представляет в полном объеме материалы исследования погребения 4, входившего в состав большого археологического комплекса, открытого в 2016 г. на Узунларском валу близ с. Горностаевка Ленинского района Республики Крым отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.А. Супренкова¹. В ходе этих работ были изучены курган эпохи бронзы (?) с полностью разграбленным центральным погребением, каменная постройка античного времени, расположенная на его вершине, комплекс хозяйственных ям, вероятно, синхронный ей, а также ряд разновременных впускных захоронений. Безусловно, самой яркой находкой в этом ряду стало открытие монументального архитектурного сооружения, условно названного «Боспорскими воротами» (рис. 1). Этот объект представлял собой проезд шириной около 5 м через ров перед Узунларским валом, укрепленный с двух сторон массивными каменными стенами, сложенными без применения раствора из крупных рустованных блоков размером до 1 × 0,5 × 0,5 м и более мелких необработанных камней и опиравшимся

непосредственно на материковое дно рва, достигавшего на данном участке глубины 4,5 м. Обе стены, вытянутые с ЮЗ на СВ, прекрасно сохранились: их длина 12,5 м (северной) и 10 м (южной), ширина 3,2–3,5 м, высота до 4 м. Каждая из них в юго-западной части дополнена коротким поперечным пристенком шириной 2–2,5 м, длиной 3 м, сложенным из того же материала. Все пространство между стенами было заполнено однородным материковым грунтом с гумусированными прослойками, не содержащими сколь-либо выразительных находок [16, с. 328–333].

Публикуемое захоронение 4 находилось непосредственно под грунтовой засыпкой проезда, между каменными стенами, на северо-восточном склоне рва, на глубине 6,75 м от условного «0» (около 5 м от современной дневной поверхности) и было впущено в материк на 0,15–1,25 м (рис. 2). В качестве погребального сооружения была использована простая подпрямоугольная в плане могила размером 1,9 × 0,6 м, ориентированная поперек склона рва с СЗ на ЮВ. Покойник (женщина 50–60 лет²) располагался на дне могилы вытянуто на спине головой на СЗ. При погребении обнаружены: справа от черепа – гончарный сероглиняный кувшин (рис. 3, 1); близ него, поверх костей предплечья – гончарная сероглиняная миска с костями животного (рис. 3, 2); у юго-западной стенки могилы, под миской – бронзовое зеркало (рис. 3, 3) и железный нож (рис. 3, 4); около черепа, близ правого виска – две бронзовые серьги (рис. 3, 5); у шейных позвонков – гагатовые подвески (рис. 3, 6); на запястьях и у голеней – стеклянные бусы (рис. 3, 7).

Найденные в могиле вещи очень выразительны и достаточно информативны в хронологическом отношении. В первую очередь, обращает на себя внимание сероглиняная керамика, не типичная для крымских памятников.

Гончарный сероглиняный кувшин имеет грушевидное тулово, плоское дно и прямое украшенное двумя рельефными валиками/гофрами горло, снабженное коротким носиком-сливом; вертикальная ложновитая ручка верхним краем закреплена непосредственно под загнутым внутрь венчиком, нижним – чуть выше места наибольшего расширения тулова; плечики орнаментированы двумя параллельными врезными линиями; высота сосуда 19,5 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 7 см, максимальный диаметр тулова 15,9 см (рис. 4, 7). Аналогичные кувшины наиболее характерны для нижнеднепровских городищ – Золотобалковского, Гавриловского, Любимовского и др., где находки целых форм исчисляются десятками [3, с. 193–194; 10, с. 97; 14, с. 227]. Известны такие сосуды и в Ольвии, с которой исследователи связывают производство данной посуды [6, с. 90; 10, с. 97; 14, с. 227]. К сожалению, точные датировки этих изделий в литературе отсутствуют: только А.В. Гудкова и В.В. Крапивина осторожно допускают их бытование в I – первой половине II в. н. э. [6, с. 102]. На Крымском полуострове находки однотипных сероглиняных кувшинов единичны – лишь изредка они встречаются в комплексах второй половины I в. до н. э. – начала I в. н. э. [2, с. 38, рис. 3, 9; 13, с. 295].

Гончарная сероглиняная миска снабжена низким кольцевым поддоном и почти полусферическим туловом с загнутым внутрь утолщенным венчиком; высота изделия 8,2 см, диаметр венчика 21,2 см, диаметр кольцевого поддона 8,1 см, максимальный диаметр тулова 23 см (рис. 4, 2). Данные изделия также типичны для памятников Нижнего Поднепровья и более западных территорий, где являются одним из наиболее популярных типов посуды [4, с. 306; 7, с. 2–3; 8, с. 9]. Для Крыма более характерны их красноглиняные аналоги, датировка которых, в отличие от сероглиняных образцов, определена достаточно точно – их использовали преимущественно в I в. до н. э. – начале/первой половине I в. н. э., в более позднее время бытовали только крас-

нолаковые образцы [9, с. 54–56; 17, с. 143 и сл., рис. 10, 8–9; 19, с. 90–91].

Определенную хронологическую информацию дают и другие находки. В частности, круглое плоское бронзовое зеркало из публикуемого комплекса, имеющее диаметр 7,6 см (рис. 4, 4), относится к типу VIВ по классификации А.М. Хазанова [18, с. 64]. Время появления таких предметов автор отнес к концу III в. до н. э., но период наибольшего распространения датировал I в. до н. э. – I в. н. э. [18, с. 62, 64]. К тому же периоду (в основном I в. до н. э. – I в. н. э.) относят данные зеркала и другие исследователи (см., например: [5, с. 89–91; 15, с. 153; 17, с. 255]).

Обнаруженные в районе шеи покойной гагатовые стрелковидные подвески (4 экз.) имеют почти правильную ромбовидную форму, максимально расширяющуюся в нижней части, ближе к заостренному концу; размеры изделий 1,3–2,5 × 0,7–1,0 см, толщина 0,3–0,5 см, диаметр сквозного отверстия 0,1 см (рис. 4, 5). Е.М. Алексеева появление подобных подвесок относит ко II в. до н. э., однако пик их популярности отмечает в более позднее время – в I в. н. э. [1, с. 18 (тип 84)].

Найденные в погребении бусы представлены двумя типами: бочковидными из грязно-синего стекла (43 экз.; рис. 4, 1а) и округлыми поперечно-сжатыми из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (172 экз.; рис. 4, 2б). Первые в классификации Е.М. Алексеевой соотносятся с типом 28 и датируются III–II вв. до н. э., вторые соответствуют типу 1а по той же схеме, бытовавшему преимущественно в III–I вв. до н. э., но имевшему хождение и в первые века н. э. [1, с. 29, 65].

К сожалению, остальные находки – бронзовые проволочные серьги диаметром 1,8 и 1,4 см (рис. 4, 3) и железный нож с прямой спинкой длиной 11 см (рис. 4, 6) – узких датировок не предусматривают.

Сопоставление приведенных выше определений указывает на наиболее вероятную датировку комплекса I в. до н. э. (скорее всего, второй половиной или концом этого столетия) и, возможно, началом I в. н. э.

Стратиграфическое положение погребения 4 бесспорно свидетельствует о том, что оно предшествовало по времени сооружению

монументального проезда на Узунларском валу. Следовательно, строительство «Боспорских ворот» следует отнести к более позднему периоду, вместе с тем допуская, что временной промежуток между захоронением и последующим строительством «ворот» мог быть незначительным. В настоящее время автором раскопок ведется обработка коллекции, которая позволит сделать более аргументированное заключение относительно времени сооружения этого объекта.

Что касается этнокультурной атрибуции открытого во рву погребения, то такие черты погребального обряда, как ориентация покойного в северный сектор, использование для погребения простой подпрямоугольной в плане могилы, индивидуальность захоронения, состав и размещение погребального инвентаря и т. д., типичны для синхронных раннесарматских захоронений Северного Причерноморья, ближайшие из которых известны всего в 10 км к западу от Узунларского вала, в окрестностях с. Астанино [11, с. 18–24]. Единственное отличие описываемого комплекса заключается в использовании для погребения не курганной насыпи, а склона земляного вала/рва.

Привлекает внимание тот факт, что все известные на сегодняшний день раннесарматские погребения Степного Крыма расположены цепочкой вдоль северной границы региона по побережью Черного моря и Сиваша – от Перекопского перешейка до мыса Тарханкут на западе и Узунларского вала, считающегося западной границей Боспорского царства, на востоке (рис. 5) [12, с. 22 и сл.]. Такое размещение, по-видимому, маркирует путь кочевников из Поднепровья – одного из основных районов их расселения – к городским центрам Северо-Западного Крыма и Керченского полуострова, в результате прямых контактов с которыми к сарматам попадали предметы античного производства: гончарная керамика, ювелирные украшения, фибулы, бусы и проч., широко известные в их захоронениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает признательность А.А. Супренкову за разрешение опубликовать материал.

² Определение Д.Ю. Пономарева.

Рис. 1. «Боспорские ворота» на Узунларском валу:

I – вид с востока; *II* – вид сверху; *III* – вид с севера

Fig. 1. Bosphorus Gate on the Uzunlar bank:

I – East-view; *II* – top view; *III* – North-view

Рис. 2. «Боспорские ворота», исследование погребения 4 – рабочий момент (вид с юго-запада)
Fig. 2. Bosphorus Gate, investigation of burial 4 – photo of excavation site (South-West view)

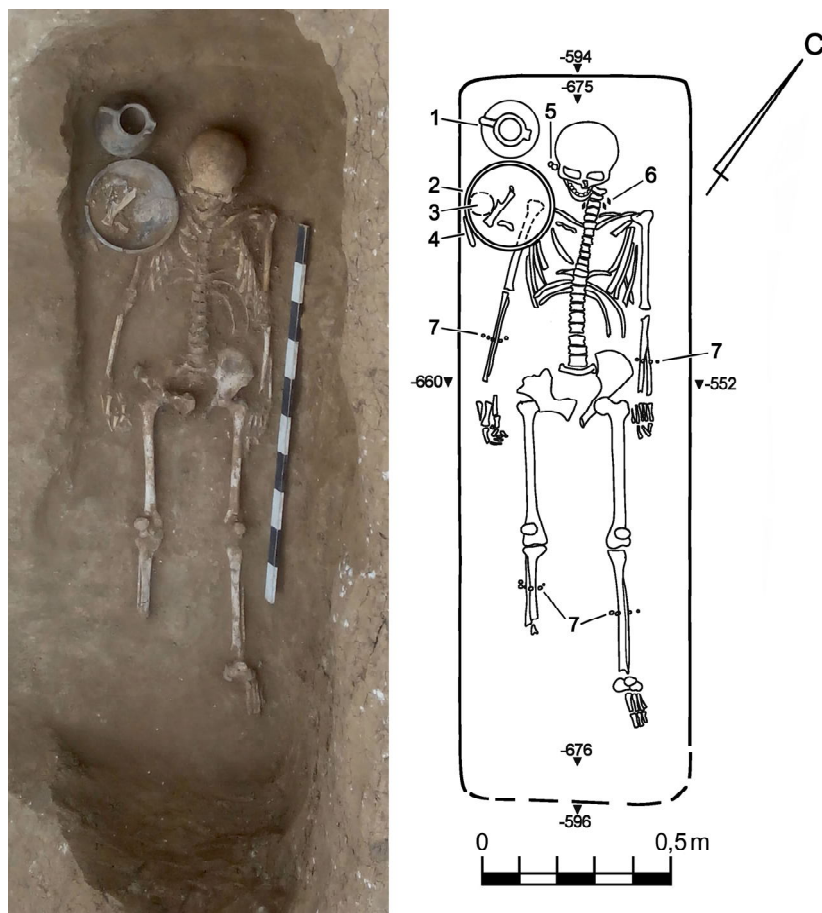

Рис. 3. План погребения 4:

1 – сероглиняный кувшин; 2 – сероглиняная миска; 3 – бронзовое зеркало; 4 – железный нож;
5 – бронзовые серьги; 6 – гагатовые подвески; 7 – стеклянные бусы

Fig. 3. Plan of burial 4:

1 – gray-clay jug; 2 – gray-clay bowl; 3 – bronze mirror; 4 – iron knife;
5 – bronze earrings; 6 – jetty pendants; 7 – glass beads

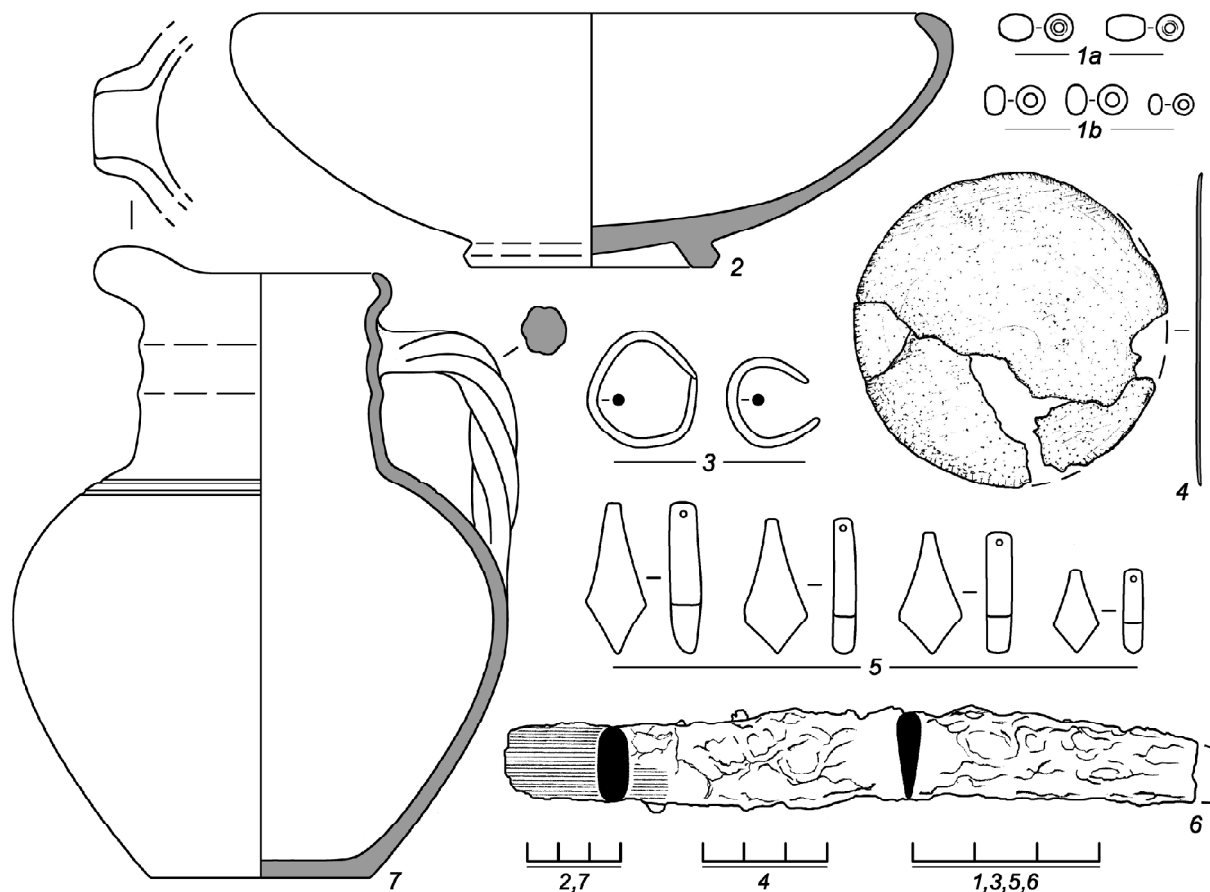

Рис. 4. Инвентарь погребения 4:

1 – стеклянные бусы; 2 – сероглиняная миска; 3 – бронзовые серьги; 4 – бронзовое зеркало; 5 – гагатовые подвески; 6 – железный нож; 7 – сероглиняный кувшин

Fig. 4. Grave goods of burial 4:

1 – glass beads; 2 – gray-clay bowl; 3 – bronze earrings; 4 – bronze mirror; 5 – jetty pendants; 6 – iron knife; 7 – gray-clay jug

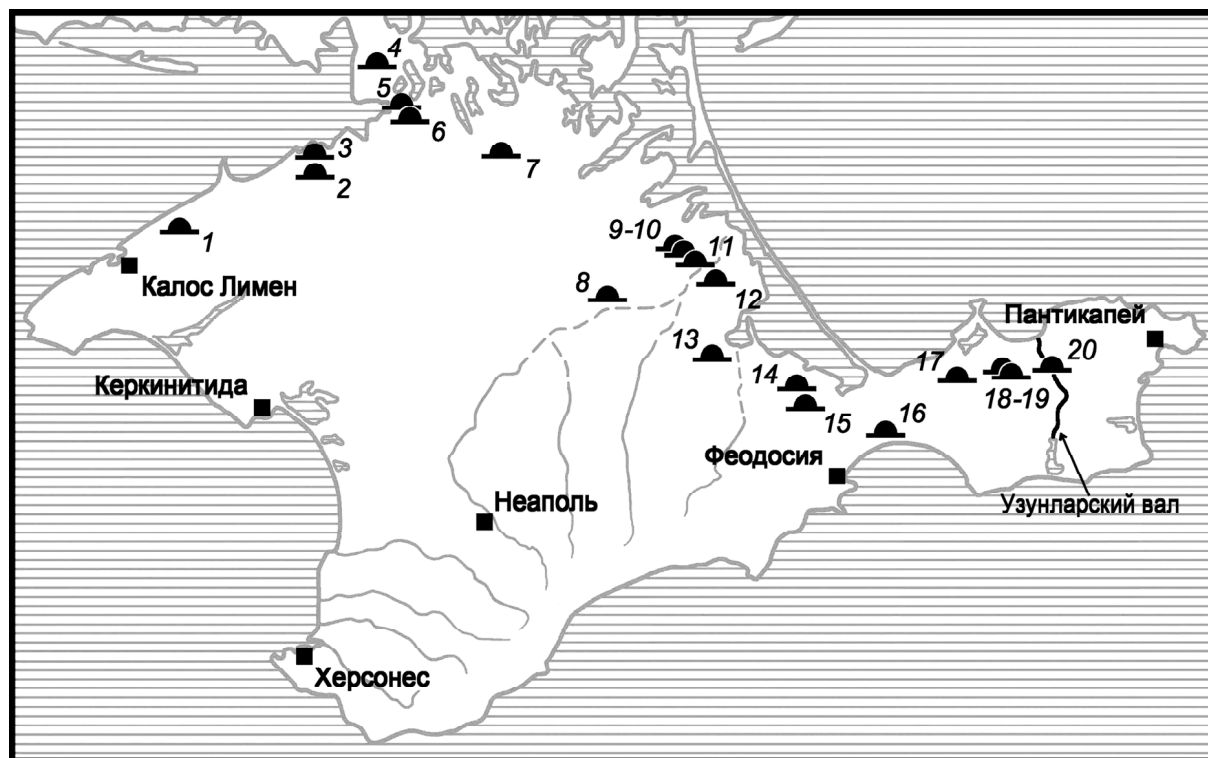

Рис. 5. Раннесарматские погребальные памятники в Степном Крыму:

- 1 – Владимировка, к. 2/1988 г., п. 21; 2 – Кропоткино, к. 5, п. 2; 3 – Портовое (ур. Сары-Булат), к. 2, п. 7;
 4 – Рисовое, к. 5, п. 61; 5 – Красноперекопск, к. 15, п. 3; 6 – Ишунь, к. 22, п. 2; 7 – Восточное, к. 1, п. 2;
 8 – Червоное, к. 5, п. 18 (Ногайчинский курган); 9, 10 – Чкалово, к. 1, п. 1–2; 11 – Заливное, к. 1931 г., в.п.;
 12 – Емельяновка, к. 1, п. 15; 13 – Советский, к. 1, п. 8; 14 – Кировское, к. 1, п. 1; 15 – Яркое Поле, к. 1, п. 5;
 16 – Дальние Камыши, к. 3, п. 1; 17 – Ильичево, к. 1, п. 3; 18, 19 – Астанино, к. 3, п. 1, и к. 23, п. 1;
 20 – Горностаевка, п. 4

Fig. 5. Early-Sarmatian burial complexes in the steppe Crimea:

- 1 – Vladimirovka, mound 2/1988, burial 21; 2 – Kropotkino, mound 5, burial 2; 3 – Portovoe (Sary-Bulat site), mound 2, burial 7; 4 – Risovoe, mound 5, burial 61; 5 – Krasnoperekopsk, mound 15, burial 3; 6 – Ishun, mound 22, burial 2; 7 – Istochnoe, mound 1, burial 2; 8 – Chervonoe, mound 5, burial 18 (Nogachinsky mound);
 9, 10 – Chkalovo, mound 1, burial 1-2; 11 – Zalivnoe, mound of 1931, inlet burial;
 12 – Emelyanovka, mound 1, burial 15; 13 – Sovetsky, mound 1, burial 8; 14 – Kirovskoe, mound 1, burial 1;
 15 – Yarkoe Pole, mound 1, burial 5; 16 – Dalnie Kamysy, mound 3, p. 1; 17 – Ilyichevo, mound 1, burial 3;
 18, 19 – Astanino, mound 3, burial 1 and mound 23, burial 1; 20 – Gornostaevka, burial 4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ. – 1978. – Вып. Г1-12. – 120 с.
2. Бейлин, Д. В. К изучению хронологии укрепленной усадьбы I века до н. э. на поселении Бондаренково III / Д. В. Бейлин // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы археологии. – Керчь : [б. и.], 2014. – С. 34–42.
3. Вязьмитіна, М. І. Золота Балка / М. І. Вязьмитіна. – Київ : Видавництво АН УРСР, 1962. – 240 с.
4. Гаврилук, Н. А. Кухонная и столовая керамика позднескифских городищ Нижнего Поднепровья / Н. А. Гаврилук, В. В. Крапивина // Сто лет черняховской культуре. – Киев : [б. и.], 1999. – С. 298–321.
5. Глухов, А. А. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона) / А. А. Глухов // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 6. – 2003. – С. 89–102.
6. Гудкова, А. В. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры / А. В. Гудкова, В. В. Крапивина // Античные древности Северного Причерноморья. – Киев : Наукова думка, 1988. – С. 82–103.
7. Гудкова, А. В. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры / А. В. Гудкова, В. В. Крапивина. – Киев : [б. и.], 1990. – 48 с. – (Препр. / АН УССР. Институт археологии).
8. Гудкова, А. В. Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н. э.) / А. В. Гудкова, А. Е. Малюкевич // Stratum plus. – 1999. – № 4. – С. 8–18.
9. Журавлев, Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. : (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) / Д. В. Журавлев // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2010. – Supplementum 9. – 320 с.
10. Крапивина, В. В. Сероглиняная керамика Любимовского городища / В. В. Крапивина // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. : тезисы докл. XVIII конф. Института археологии АН УССР. – Днепропетровск : [б. и.], 1980. – С. 97.
11. Кропотов, В. В. Сарматские погребения близ села Астанино в Восточном Крыму / В. В. Кропотов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 2 (32). – С. 18–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.2>.

12. Кропотов, В. В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма / В. В. Кропотов // Нижневолжский археологический вестник. – 2016. – Т. 15, № 1. – С. 22–39.
13. Ланцов, С. Б. Комплекс находок первой четверти I в. н.э. из поселения Кульчук в Северо-Западном Крыму / С. Б. Ланцов // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения : материалы Международ. науч. конф. – Симферополь ; Керчь : [б. и.], 2017. – С. 293–299.
14. Никоненко, Д. Д. Сероглиняна керамика пізньоскіфських городищ Нижнього Дніпра / Д. Д. Никоненко // Емінак : науковий щоквартальник. – 2016. – № 4(16). – С. 225–232.
15. Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во СГУ, 1990. – 300 с.
16. Супренков, А. А. Боспорские ворота – новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу / А. А. Супренков // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура : материалы Междунар. круглого стола. – СПб. : ПАЛАЦЦО, 2016. – С. 328–333.
17. Труфанов, А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. / А. А. Труфанов // Stratum plus. – 2005–2009. – № 4. – С. 117–328.
18. Хазанов, А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал / А. М. Хазанов // СА. – 1963. – № 4. – С. 58–71.
19. Храпунов, И. Н. Позднескифский могильник у с. Кольчугино / И. Н. Храпунов, В. В. Масыкин, С. А. Мульд // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – 1997. – Вып. 1. – С. 76–155.

REFERENCES

1. Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomorya [Antique Beads from the Northern Black Sea Region]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1978, vol. G1-12. 120 p.
2. Beylin D.V. K izucheniyu khronologii ukreplennoy usadby I veka do n.e. na poselenii Bondarenkovo III [On study of chronology of the strengthened manor of I century BC on settlement Bondarenkovo III]. *XV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy arkheologii* [The 15th Bosphorus Readings. The Cimmerian Bosphorus and the Barbarous World in Antiquity and in the Middle Ages. Current Problems of Archaeology]. Kerch, 2014, pp. 34-42.
3. Vyazmitina M.I. *Zolota Balka* [The Golden Balka]. Kiev, AN USSR Publ., 1962. 240 p.

4. Gavrilyuk N.A., Krapivina V.V. Kukhonnaya i stolovaya keramika pozdneskifskikh gorodishch Nizhnego Podneprovya [Kitchen and Table Ceramics of the Late-Scythian Sites of the Lower Dnieper Region]. *Sto let chernyakhovskoy culture*. Kiev, 1999, pp. 298-321.

5. Glukhov A.A. Tipologiya i khronologiya zerkal srednesarmatskogo vremeni (po materialam mezhdurechya Volgi i Dona) [Typology and Chronology of Mirrors of the Middle-Sarmatian Time (Based on the Materials of the Volga-Don Interfluve)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2003, vol. 6, p. 89-102.

6. Gudkova A.V., Krapivina V.V. Seroglinyanaya goncharnaya keramika Olvii pervykh vekov nashey ery [Gray-Clay Pottery of Olbia of the Early Centuries AD]. *Antichnye drevnosti Severnogo Prichernomor'ya* [Antiquities of the Northern Black Sea Region]. Kiev, Naukova dumka publ., 1988, pp. 82-103.

7. Gudkova A.V., Krapivina V.V. *Seroglinyanaya keramika Tiry, Olvii i pamyatnikov chernyakhovskoy kultury* [Gray-Clay Ceramics of Tira, Olbia and Monuments of Chernyakhov Culture]. Kiev, 1990. 48 p. (Preprint)

8. Gudkova A.V., Malukevich A.E. Seroglinyanaya kruzhalnaya keramika poseleniy na Dnestrovskom limane (pervaya chetvert I tys. n.e.) [Gray-Clay Curved Ceramics on the Dniester's Liman]. *Stratum plus*, 1999, no. 4, pp. 8-18.

9. Zhuravlev D.V. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I – III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Belbekskey doliny) [Red-gloss ceramics in the Southwest Crimea at the I – III centuries AD]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Supplementum], 2010, iss. 9. 320 p.

10. Krapivina V.V. Seroglinyanaya keramika Lyubimovskogo gorodishcha [Ceramics of gray clay from the Ljubimov settlement]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1978 – 1979 gg. Tezisy dokladov XVIII konferentsii Instituta arkheologii AN USSR* [Archaeological Studies in Ukraine in 1978–1979. Reports' Theses of the 18th Conference of the Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the USSR]. Dnepropetrovsk, 1980, p. 97.

11. Kropotov V.V. Sarmatskie pogrebeniya bliz sela Astanino v Vostochnom Krymu [Sarmatian burials near the Astanino village in the Eastern Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State

University. History. Area Studies. International Relation], 2015, vol. 2 (32), pp. 18-24. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.2>

12. Kropotov V.V. Sarmatskie pogrebalnye pamyatniki Stepnogo Kryma [Sarmatian Burial Monuments of the Steppe Crimea]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2016, vol. 15, no. 1, pp. 22-39.

13. Lantsov S.B. Kompleks nakhodok pervoy chetverti I v. n.e. iz poseleniya Kulchuk v Severo-Zapadnom Krymu [Complex of finds of the first quarter of I century AD from settlement Kulchuk in Northwest to Crimea]. *XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy arkheologii* [The 15th Bosphorus Readings. The Cimmerian Bosphorus and the Barbarous World in Antiquity and in the Middle Ages. Trade: Ways – Goods – Relations. Proceedings of the International Academic Conference]. Simferopol; Kerch, 2017, pp. 293-299.

14. Nikonenko D.D. Siroglinyana keramika piznoskifskikh gorodishch Nizhnego Dnipro [Gray-Clay Ceramics from the Late-Scythian Settlements of the Lower Dnieper]. *Erminak: nauchnij tschokvartalnik* [Erminak: Scientific Quarterly journal], 2016, vol. 4 (16), pp. 225-232.

15. Skripkin A.S. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Asian Sarmatia. The Historical Aspect of Chronological Problems]. Saratov, Izd-vo SGU, 1990. 300 p.

16. Suprenkov A.A. Bosporskie vorota – noveyshee otkrytie pri raskopkakh na Uzunlarskom valu [Bospor gate as the newest opening at excavation on Uzunlar shaft]. *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kultura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola* [The Elite of Bosphorus and the Bosphorus Elite Culture. Proceedings of the International Round Table]. Saint Petersburg, PALAZZO Publ., 2016, pp. 328-333.

17. Trufanov A.A. Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [The Chronology of Burials in the Foothill Crimea in the 1st Century BC – 3rd Century AD]. *Stratum plus*, 2005-2009, no. 4, pp. 117-328.

18. Khazanov A.M. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [The Genesis of Sarmatian Bronze Mirrors]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1963, no. 4, pp. 58-71.

19. Khrapunov I.N., Masyakin V.V., Muld S.A. Pozdneskifskiy mogilnik u s. Kolchugino [The Late-Scythian burial ground near village Kolchugino]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 76-155.

Information about the Author

Viktor V. Kropotov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Prosp. Vernadskogo, 2, 295053 Simferopol, Russian Federation, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Информация об авторе

Виктор Валерьевич Кропотов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Вернадского, 2, 295053 г. Симферополь, Российская Федерация, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>